

Смолин Михаил Борисович*, кандидат исторических наук, начальник отдела стран ближнего зарубежья РИСИ.

Поэт Русской армии и его философия военного духа¹

Издательство Московской патриархии выпустило книгу известного эмигрантского военного писателя Антона Антоновича Керсновского, посвятив её 65-летию нашей Победы в Великой Отечественной войне². Это уже второе издание этой книги в России, первое увидело свет в 1995 г. и стало библиографической редкостью.

Дух захватывает от мысли, сколько ещё мог бы написать этот человек, если бы действительно прожил дольше. А. А. Керсновский был настоящим поэтом – не по профессии, но по призванию. Он был поэтом Войны и Славы Русской армии, её историком и философом, но так же, как многие великие поэты, быстро сгорел в огне своего бешено-пламенного таланта.

В своём энергичном писательстве он был похож и на Скобелева с его волевыми победами, и на Пушкина, в стихах которого зачастую сложно изменить хотя бы одно слово, так они совершенны. Как молоды они были и как много успели сделать. Кто рано осознаёт свой талант (если он, конечно, крупный и настоящий), тот особенно ярко и, к сожалению, недолго творит...

Антон Антонович Керсновский родился 23 июня 1907 г.³ в деревне Цепилово Бессарабской губернии в имении своего деда, отставного инженерного полковника. Юношей он участвовал в Гражданской войне, сражаясь в рядах Добровольческой армии. После того как земли Бессарабии были присоединены к Румынии, семья А. А. Керсновского занималась фермерством. Но мальчика тянуло учиться и служить покорённой большевиками Родине, пусть и оставаясь в эмиграции.

Он едет в Вену, где заканчивает Консульскую академию, затем продолжает обучение во Франции в Дижонском университете и, наконец, заканчивает образование, прослушав курс в Сен-Сирской военной школе. Со второй половины 20-х гг. прошлого века А. А. Керсновский перебирается в Париж. Работая в издательской фирме и развозя по ночам газеты и журналы, весь день он посвящает творчеству.

В 1936 г. один журналист как-то поинтересовался, как он работает? Антон Антонович отвечал: "Вы хотите знать, в каких условиях мне

* smolin@riss.ru.

¹ Рецензия на книгу: *Керсновский А. А. Философия войны*. М. : Изд-во Московской Патриархии, 2010. 208 с.

² Стоит отметить хорошее предисловие и обширные комментарии, сделанные кандидатом исторических наук, доцентом исторического факультета МГУ М. М. Шевченко.

³ Это официальная дата рождения А. А. Керсновского. Но по свидетельству его сестры, Евфросинии Антоновны Керсновской, родился он, скорее всего, в 1905 г.

пришлось писать и работать. Извольте. Представьте себе чердак с покатою крышей и деревянными перегородками. Это комната. Посредине небольшой ящик – это стул. Перед ним ящик солидных размеров – это стол и в то же время книжный шкаф. Огромный ворох тетрадей, бумаг и бумажонок – это мой архив, выписки из книг, мемуаров и газет. День проходит в беготне по урокам, а вечером могу работать, если не очень устал и не отупел словом. Николай Михайлович Карамзин писал "Историю Государства Российского" с бóльшим комфортом. Впрочем, эти неудобства – ничего, хуже то, что у меня туберкулёз лёгких в хронической форме (залечиваюсь, но не вылечиваюсь). Что называется, медленно, но верно. Грудь я испортил ещё в 13 лет в Добровольческой армии".

Вынужденно ведя подобный образ жизни, он дебютирует в 1927 г. в консервативном белградском еженедельнике "Русский военный вестник" (редактор – Н. П. Рклицкий, будущий архиепископ Никон), который с 1928 г. стал называться "Царский вестник". С первых же статей удивлённый читатель обнаружил в А. А. Керсновском уникального военного и политического писателя-публициста, яркое перо которого было поистине универсальным. Он мог писать о любой армии мира, о любой политической или военной проблеме одинаково профессионально и аналитично. С дипломатическим, университетским и военным образованием при поразительной природной трудоспособности и великом таланте от Бога А. А. Керсновский стал одним из самых известных и читаемых писателей русской эмиграции конца 20-х – начала 30-х гг. Литературная одарённость сделала его выразителем мыслей и ожиданий русских военных, оказавшихся вдали от Родины. Статьи А. А. Керсновского – как стихи: точно выверены по форме и имеют как бы рифму-ритм, который мало-мальски чувствующий читатель неизбежно ощущает.

За свою короткую жизнь он написал огромное количество книг и статей, но безденежная эмиграция смогла издать лишь две его книги, остальные же пропали бесследно. Наиболее крупным опубликованным сочинением А. А. Керсновского остаётся четырёхтомная "История Русской армии", вышедшая в Белграде в 1933–1938 гг.

"Основная идея этого труда, – писал сам А. А. Керсновский, – это самобытность русского военного искусства, неизреченная его красота, вытекающая из духовных его основ, и мощь русского военного гения – мощь до сей поры, к сожалению, недостаточно осознанная, вернее, неосознанная совсем"⁴.

Первоначально сочинение это было задумано поистине всеохватывающе огромным двенадцатитомником: I–III тома – "История Русской армии" до 1917 г., IV–V – "История старых полков Императорской пехоты" и "История молодых полков", том VI – "История регулярной русской конницы", VII – "История казачьих войск и частей", VIII – "История артиллерии, инженерных войск и авиации", IX – "Биографии военачальников", X – "Очерки военного быта XVIII–XIX столетий"; XI–XII тома – "Страницы славы Русской армии". Многие из этого было уже написано им, но безвозвратно утрачено в суеде эмигрантской жизни после его смерти...

⁴ Керсновский А. А. История Русской армии. М., 1992. Т. 1. С. 7.

"История русской армии, – писал А. А. Керсновский, – это история жизни русского государства, история дел русского народа, великих в счастье и в несчастье, история великой армии великой страны... Нет истории более поучительной, и нет дел более великих. Наследники русской славы, мы их продолжим на будущие времена и впишем мечом и гнусной кровью бесчисленных врагов матери-России новые и новые подвиги в её скрижали.

Мы должны всё время помнить, что мы окружены врагами и завистниками, что друзей у нас, русских, нет. Да нам их и не надо при условии стоять друг за друга. Не надо и союзников: лучшие из них предадут нас... Побольше веры в гений нашей Родины, надежды на свои силы, любви к своим русским. Мы достаточно дорого заплатили за то, чтобы на вечные времена исцелиться от какого бы то ни было "фильства" и знать только одно русофильство"⁵.

Глубоко уверенный в непобедимости русской армии, он утверждал как принцип, что "стоило только когда-либо какой-нибудь европейской армии претендовать на звание "первой в мире", как всякий раз на своём победном пути она встречала неунывающие русские полки – и становилась "второй в мире". Вот основной вывод нашей военной истории. Так было и так будет"⁶.

Вторым крупным трудом А. А. Керсновского была "Философия войны", очередное издание которой мы с радостью рецензируем. Впервые она была опубликована в 1939 г., но до этого, с конца 1932 г., печаталась в сокращённом виде в газете "Царский вестник". Это был опыт написания "Науки побеждать" XX в., опыт, удавшийся безусловно. "Философия войны" является блистательным рассуждением о войне как о научной "патологической социологии", без малейшего модного тогда и сегодня пацифизма.

Вообще А. А. Керсновский не любил пацифистов (эту "интеллектуальную чернь" XX в., как он их называл), рассказывающих народам байки о кровожадных генералах, "пушечных королях", "вырождающихся династиях" и секретной титулованной дипломатии, которые, дескать, только спят и видят, как бы пролить побольше народной кровушки. Он считал войну неизбежным следствием человеческой жизни, а разоружение народов – невозможным, так как для этого "надо прежде всего этим народам запретить источник конфликтов – политическую деятельность. А для того, чтобы запретить политику, надо запретить причину, её порождающую – непрерывное развитие человеческого общества, в первую очередь развитие духовное, затем интеллектуальное и, наконец, материальное и физическое. Практически это выразится в запрещении книгопечатания и вообще грамотности (явление совершенно того же логического порядка, что запрещение удушающих газов и введение принудительной трезвости), обязательном оскоплении всех рождающихся младенцев и тому подобных мероприятиях, по проведении которых "моральное разоружение" будет осуществлено в полном объёме, исчезнут конфликты, но исчезнет и причина, их порождающая, – жизнь.

⁵ Керсновский А. А. Указ. соч. Т. 4. С. 330.

⁶ Там же. С. 332.

Есть одна категория людей, навсегда застрахованных от болезней, – это мёртвые. Вымершее человечество будет избавлено от своей болезни – войны⁷.

Утверждая, что "войну ведут не для того, чтобы убивать, а для того, чтобы побеждать"⁸, он не считал её самым большим бедствием для человечества, основательно полагая, что "идеологи" обошли человечеству дороже завоевателей", напоминая, что "последователями Руссо пролито больше крови, чем ордами Тамерлана"⁹.

Армия как определённая государственная институция, будучи важнейшим элементом политики, представлялась А. А. Керсновскому столь же критически важной для государства, как школа, администрация или дипломатия. Он считал, что армия не может быть вне политики и сама есть "вооружённая политика". Армия ассоциировалась в его рассуждениях с живой рукой, держащей меч и направляемой волей главы государства.

В "Философии войны" особенно блестяще написана часть "О военном человеке", где А. А. Керсновский рассуждает об основных воинских добродетелях – дисциплине, призвании и прямотушии.

Не могу удержаться, чтобы не процитировать рассуждение о призвании, похожее на психологический тест для проверки способности быть профессиональным военным.

"Пусть молодой человек, – говорит А. А. Керсновский, – колеблющийся в выборе карьеры, посмотрит на растерзанные полотнища знамён. Он сможет разобрать или угадать славянскую вязь: "За отбитие знамён у французских войск на горах Альпийских...", "За подвиг при Шенграбене, в сражении отряда из пяти тысяч с корпусом из тридцати тысяч состоявшим...", "За отличие при поражении и изгнании из пределов России в 1812 году..." "За Шипку и двукратный переход через Балканы..." Если эти слова не покажутся ему райской музыкой, если он своим "внутренним оком" не увидит тут же рядом с собой сен-готарских мушкетёров, шенграбенских гусар, бородинских егерей, не почувствует себя в их строю – тогда, значит, военного призвания у него нет, и в армию ему идти нечего. Если же он увидел кровавый берег Муттенской долины и раскалённые утёсы Шипки, если он почувствовал, что это ему Котляревский крикнул: "На пушки, братец, на пушки!" – тогда значит, что священный огонёк ярко вспыхнул в его груди. Тогда он – наш"¹⁰.

Вскоре после публикации "Философии войны", в 1940 г., Германия напала на Францию и А. А. Керсновского призвали во французскую армию. Во время боевых действий он получил тяжёлое ранение, затем демобилизовался, но до последних дней продолжал заниматься исследовательской работой в Париже.

Умер Антон Антонович 24 июня 1944 г. Он жил в великое и страшное время крайнего напряжения всех европейских сил, во время мировых войн и революций, в эпоху, когда рождались герои и гении. Именно поэтому Первая мировая война и следовавшая за ней революция

⁷ Керсновский А. А. Философия войны. М., 2010. С. 44–45.

⁸ Там же. С. 37.

⁹ Там же. С. 46.

¹⁰ Там же. С. 92–93.

останутся перманентно современными темами для историков и публицистов. Они будут современными пока мы окончательно не преодолеем революционный период нашей истории и не вернёмся Домой. А до тех пор эти события будут отделять нас от исторической Родины как вавилонское пленение отделяло иудеев от земли обетованной. Пленение для нас, по видимому, подошло к концу, но ищем ли мы дорогу Домой?

"Мы должны твёрдо знать, – писал А. А. Керсновский, – что если освобождение России во власти Божией, то приближение сроков её освобождения – во власти каждого из нас".

Первая мировая война (или как она называлась до революции – Вторая Отечественная) была последним подвигом, который Империя совершала, объединяя всю нацию (исключая, конечно, революционных отщепенцев). Это последнее имперское дело за весь XX в. так и не было по достоинству оценено Отечеством. Из опыта огромной, всесветной войны и последовавшим вслед за развалом армии крушением Империи мы так и не сделали никаких выводов. Советская историография взахлёб писала лишь о своей революции. Современные историки также уделяют больше внимания своим новейшим революциям, путчам и забастовкам, которые интересуют их больше, чем что-либо другое. Пожалуй, лишь эмигранты, участвовавшие в грандиозной военной эпопее начала XX столетия, пытались извлечь из военного и политического опыта Первой мировой войны пользу и урок для будущих поколений русских.

В эмиграции, в основном в эмиграции военной, было немало крупных военных писателей, оставивших ценнейшие труды об этом времени. Такие знаменитости, как генералы (и бывшие профессора военной академии) А. К. Байов и Н. Н. Головин, создали целый пласт литературы. Но и среди этих маститых авторов выделялся талант военного слова А. А. Керсновского.

Его тексты наполнены яркими христианскими образами. Так, сравнивая русскую и германскую военные доктрины, он пишет: "Германец считает себя "сверхчеловеком" – и этим низвёл себя на степень "подчеловека". Русский... считает себя "всечеловеком". Германскую национальную доктрину выковал громовержец Тор, русскую – вдохновил Христос. И те же два начала сказались и на военных доктринах обоих народов. Меч Зигфрида выковывает в преисподней карлик Миме, а меч Ильи благословляет калика – угодник Божий"¹¹.

Рубленный, волевой, энергический слог А. А. Керсновского был средни речи командира перед атакой, призывом к подвигу. Он обладал словом, которое не увлечёт за собой лишь человека, которому чуждо чувство гордости и сопричастности к славе русского оружия, боли за оскорбление героической Русской армии, нанесённые ей революционным развалом 1917 г., отнявшим столь близкую Победу. "Писать о подвигах прошлого не имеет смысла без твёрдой веры в подвиги будущего", – таковы первые слова книги "История Русской армии", таков смысл творчества А. А. Керсновского – человека, ждавшего новых подвигов, приближавшего их своей публицистикой и своими книгами.

¹¹ Керсновский А. А. Указ. соч. С. 135.